

Андрей ТЮКОВ

г. Петрозаводск

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ

рассказ

— «Для невозрастных детей кушать два раза в сутки томительно»... Томительно, — повторяет вкусное слово отец Василий.

Пошевелив белыми от сметаны усами, он продолжает чтение.

Отец Василий ужинает. По привычке он читает за едой, отчасти скрашивая словесной приправой известную скудность постного угощения. Это «мурцовка»: мелко порезанные свежие огурцы, числом две штуки, политые сметаной и по вкусу отца Василия обильно посыпанные крупной серой солью, с добавкой покрошенного в тарелку репчатого лука. Отец Василий большой охотник посолонцеваться, хоть это и бесполезно ему.

«Мурцовка» вкушается с чёрным ржаным хлебом. Одним глазом батюшка нацелился в книгу, раскрытую на коленях. Другим отец Василий подмечает, где в тарелке остался лук... Маленькая и ехидная луковая долька не хочет идти в ложку... приходится гоняться за ней, как хоккеист за шайбой... томительно! Ложка попадает в усы именно в ту минуту, когда другая рука переворачивает страницу.

Книга чудная, замечательная, полная слов из позапрошлого, девятнадцатого века: «томительно»... «самонатурно»... Слова эти были в диковинку уже в прошлом веке, двадцатом, откуда родом сам отец Василий. Сегодня, увы, и они, и читатель милы и понятны только друг дружке, как одинаковые анахронизмы, сухие ветки, каким-то чудом избежавшие стали садовника. «Каковой вид раки приходящим богомольцам несколько прискорбия наносит...»

Пока отец Василий подкрепляется, тихо замирая от восторга почти над каждой страницей, мы успеем бегло описать внешность нашего героя, впрочем, не слишком примечательную.

Отец Василий малого роста, худощав, широк в плечах. Свои длинные и наполовину седые волосы он запускает за уши, а иногда стягивает чёрной аптечной резинкой. Очки в роговой

дымчатой оправе вздеты на нос. Если отец Василий не занят чтением, то обычное выражение лица у него немного ехидное и даже, можно сказать, задиристое. Впрочем, быстротекущее время уже довольно размыло острые места, сгладило грани. Ехидство отца Василия чисто внешнее и обманчивое, как и видимая глазом худоба. А так батюшка добр и благоприятен, это всем известно, но обладает изрядной силёнкой и знает бой. В том однажды и убедились залётные хулиганы, когда вздумали было покуражиться над сублильным очкариком: отец Василий, не говоря худого, отломал бока буюнам и с позором прогнал. Правда, они, красные от унижения и обиды, потом ещё швырялись в него камнями с безопасного расстояния...

Прикончив «мурцовку», отец Василий с наслаждением пьёт горячий чай, обмакивая в кружку разломленные надвое овсяные печеньки. Откусывать он не в состоянии: у него не хватает двух верхних передних зубов, поэтому всё, что отправляется в рот, должно предварительно размачиваться или размачиваться.

Вот и это печенье. Никогда не любил отец Василий овсяное печенье. А теперь полюбил и дня не проживёт без него.

Толстая кошка весёлой расцветки уж неоднократно приходила на кухню. Увидит, что отец Василий ещё кушает, скудоумится и уйдёт. Кошка дожидается той минуты, когда хозяин закончит вечернюю трапезу, пойдёт в комнату и приляжет отдохнуть... Тогда она пристроится ему под бок, прикумышится — и уснёт крепким, но чутким сном.

Покушав, отец Василий моет тарелку, ложку, чашку и всё это ставит сушиться в объёмистую миску.

— Ну, пойдём поваляемся, — наконец говорит он.

Кошка ведёт его в комнату... Как и всегда, не успев оказаться у хозяина под боком, она тут же засыпает. Отец Василий не спит, думает... «Я говорю людям, которых ум не этого века и пожелание отыскать чистое, а этого нет...» Заворочавшись от восхищения, он повторяет эти удивительные и неизвестно откуда пришедшие слова и чувствует, что волосы принимаются у него на макушке, как трава инеем...

Кошка во сне потянулась во всю свою долготу и лапой заехала в лицо, прямо в нос отцу Василию.

— Э, э, — осторожным шёпотом, чтобы не испугать, укорил кошку отец Василий, — что ты, сонная тетеря!

Эти слова неожиданно вызвали в душе воспоминание... Прежде чем вернуться туда, в то время, откуда прилетела «тетеря», отец Василий вытащил из волос резинку, которая стягивала вольную гриву в пучок, и не без облегчения распустил волосы назад, на спину... Он осторожно, чтобы не вскобыхнуть спящую, поворожался, ложась на бок, устраивая свою скрипучую поясницу и больные ноги. Слава тебе, Господи. День прошёл, и ладно. Отец Василий сладко-сладко зевнул. Темнота улыбалась ему со всех сторон, закрыв свои блестящие глаза, как некая толстая кошка. Ещё минута, и добрая предсонница укрывает батюшку одеялом, мягким и невесомым, как пух...

Он снова мальчик. Отец читает ему вслух сказку про Конька-Горбунка: «Эй вы, сонные тетери! Отпирайте брату двери...»

— Отпи'айте, — шёпотом повторяет мальчик, и чудесный восторг охватывает его крыльями, щекочущими, шерстяными.

Мальчик болеет. Он лежит на спине, укрыт до самого подбородка. Жгучие горчичники уже разгораются на груди и на спине, как блины на горячей сковороде. Отец сидит у кровати с раскрытой книгой на коленях.

А на той неделе они выходили вечером вдвоём погулять «на сон грядущий». Снег так звонко отзывался новым валенкам Васи, как будто встречал своих хороших знакомых, припевал и подпрыгивал под ногами... Деревья, дома, забор, все в белом, морозном, стояли в темноте совершенно неподвижно. Темнота обтекала их отовсюду и уплывала куда-то вверх, туда, где в железнодорожном депо, далеко, упрекал кого-то одинокий вечерний паровоз. И над этим над всем, если запрокинуть голову, высоко-высоко текла огромная звёздная шапка Земли.

Умиротворённый, отец Василий незаметно засыпает в этих лёгких, тёплых валенках воспоминаний.

«— Звезда! Открой имя! — Аладдин, сын Маруфа...» А перед тем как спросить, злой старик, магрибский колдун, захватил полной

пятью волшебный порошок и бросил порошок прямо в небо... Чудеса.

Отец Василий ворочался и не слышал, как недовольная кошка встала и ушла от него на другой конец дивана.

Злой старик обернулся к нему, отец Василий узнал усы в крошках сметаны, но не успел удивиться. Он уже выступает в защиту икон на Вселенском соборе. Почему-то все противники отца Василия чёрные и маленькие, как горох. Их много, они ругают его идолопоклонником и обвиняют в язычестве! «Сжечь, закопать!» — кричат эти черныши. Шум стоит ужаснейший! Отец Василий говорит им: икона не кумир, икона — антизеркало, в котором не отражается сей мир, икона отсекает человека от мира, икона представляет образ мира другого, и через это человек соединяется с тем, другим миром. Чернецы не слушают: наступают, грозятся отцу Василию, потрясают седыми бородами. Потом из них вышла жена и сказала: «Готовься стать Богородицей». Как же Богородицей, что ты, что ты, хотел сказать ей потрясённый отец Василий. И проснулся.

Проскрипев диваном, он сел и задумался: с чего бы привиделся сон такой странный, несообразный? Нужно будет сходить на могилку, решил отец Василий.

Сна уже не было. Решив попить холодного чайку, батюшка направился на кухню, не зажигая свет. На кухонной стене постукивали часы-ходики. Отец Василий сидел за столом и прихлёбывал мелкими глотками холодный вчерашний чай. Он вспомнил, как, бывало, вот так же сидел ночами за чаем и записывал всякие всячины в тетрадку. Где же теперь эти записи? Много было тетрадок...

— Да, много было, — вслух повторил он.

Случайное чайное воспоминание на миг воротило отца Василия в те молодые и давно ушедшие годы, когда он, сильный, здоровый мужик, ожидал от жизни больше того, что она могла дать. И даже сильнее, чем ноющая боль в ногах и колючая — в спине, уколола его мысль, что теперь он состарился, как и те позабытые давным-давно тетрадки. Отец Василий вздохнул.

— Ну что же поделаешь. Да. Значит, так и надо. Он воротился в комнату. Кошка уснула так

крепко, сердешная, что не слышала его возвращения, как не услышала ухода.

Луна, прежде ходившая где-то за двором, тут заглянула в форточку. Длинной холодной дорожкой дотянулась она до спящей на диване кошки — и вдруг вспрыгнула кошке на самый нос. Кошка мигом открыла глаза: никого... Села. Ах, так это вот кто! И вот сидят, перемигиваясь через отца Василия, ночные подружки. Одна дома, в тепле на диване, вторая на чёрт-те знает какой, недосыгаемой высоте...

Утром отец Василий, как всегда, положил кошке рыбки на блюдечко.

Покушав, она вспрыгнула на диван. Отец Василий присел рядом и завёл привычный, приятный для них обоих разговор:

— Ну что? Наелась? Заморила червячка? Эх ты! Скоро и ходить не сможешь... кережа заонежская. Экая толстуха. Дай-ка я глазки кошке почищу. Не цапайся. Скоро грязью зарастёшь, не стыдно тебе, а? Что, лучше жить грязнулькой?

«Грязнулькой лучше», — соглашается хитрая кошка. Прижмурив разбойничьи жёлтые глаза, она «топчется»: выпускает острые коготки и тут же втягивает их обратно в меховые тапочки. Из самого естества кошачьего, зарождаясь в глубине глубочайших звериных пещер, неудержимо рвётся наружу низкий, хриплый, булькающий звук...

— Смешной человек — кошка! — убеждённо произнёс отец Василий, поднимаясь с дивана и оставляя кошку с мурлыканьем погружаться в ночь своего происхождения. — Ну, спи-отдыхай.

Поднимался он всегда так: сначала упрёт ладони в колени, наклонится вперёд, а потом одним движением, оттолкнувшись от коленей, разогнётся, и так, чтобы в один приём. А иначе может «вступить в спину». Что уже и случилось за последние годы несколько раз и дважды доходило даже до «скорой»... Причину врачи так и не сумели определить, да отец Василий и не домогался этого: он почему-то знал, что «спина» дана ему за грехи, в первую очередь — похоть очей и похоть ума, и что «спина» отпустит его только перед некоторым важным событием.

Отец Василий оделся и вышел из дому. Во дворе его внимание привлёк серый кот на заборе. Этот кот был известен отцу Василию. Серый похаживал к его толстухе, но кошка

его не подпускала. Отец Василий со всей строгостью погрозил коту пальцем:

— Смотри у меня! Ух!

Кот даже не шелохнулся. Он знал прекрасно, что отец Василий только пальцем грозит, а ни камнем, ни палкой в него не запустит. Добрый человек, безопасный. Можно иметь дело.

День был тихий, почти безветренный. На огородах жгли высохшую картофельную ботву. Отец Василий шёл по дорожке. Он вышел мимо развалившегося клуба к бывшей ферме, пустые окна которой таили воспоминания чужой жизни, миновал скелет забытого трактора, который «комары съели»; поднялся на светлый берёзовый угорышек, спустился с него к бочажине, где утонула собака Чайка в прошлом году, и вышел к полю.

Здесь дорога двоилась. Направо — отцу Василию, налево — к шоссе. Здесь она и окликнула его, та женщина:

— Молодой человек! Не поможете?

Удивлённый, отец Василий повернулся.

Маленькая, тщедушная, ребёнок на руках...

— Вы не поможете? — повторила она.

Отец Василий покорно подставил руки, чтобы принять на них тяжёлую и неудобную для него люльку-переноску.

— Не тяжело? — спросила женщина.

Теперь, когда они были рядом, запах алкоголя, который до сих пор бытовал как предположение, стал реальностью. Запах старый, может, утренний, а может, и вчерашний...

— Не тяжело, — сказал отец Василий. — Не томительно. А вам куда?

— Мне к шоссе, поймаю «грача» какого-нибудь, — пояснила она.

— А ехать?

Она сказала...

Отец Василий искоса подивился на неё: спортивная куртка, тёмные брюки. Прямые волосы висят крыльями, лицо круглое. Он вздохнул. Он знал этих женщин, знал, что у неё, скорее всего, и денег-то нет в кармане... и что спина наверняка загудит потом от такого его «подвига». Ничего, дам крюк, потом тем же путём обратно...

— Стойте, — сказал вдруг отец Василий. — Подержите...

Женщина взяла у него ребёнка. Отец Василий вынул деньги и отсчитал две сторулёвки:

— Вот, возьмите...

Женщина отскочила назад, как будто он протягивал ей змею или мышь.

— Берите, не бойтесь!

Почти силой всучил ей эти бумажки, снова завладел заплакавшей люлькой и зашагал к шоссе, оно уже показалось впереди.

— Офигеть, — женщина шла рядом, поспевая за его размашистыми шагами. — Какие люди бывают... Вы не бедный, да? Я отдам. Я двадцать шестого... Запишите мой телефон!

— Не надо отдавать. Вы лучше вот ребёнку что-нибудь купите! Кто у вас?

— Дочка, — с гордостью сказала она, — Оля... Она вообще-то девочек любит. А у вас спокойная.

Отец Василий взглянул на неё с некоторой приязнью: сама ещё девчонка, на вид больше шестнадцати не дашь. Ну и дела...

— Муж-то есть у вас?

Они приближались к шоссе. Гул пролетающих автомашин уже разделял их, глушил отдельные слова, а другие слова вырывал из контекста.

— Есть. Он меня бросил! Козёл. Вот какие мужики бывают.

— Мужики разные бывают... Ну, ловите машину.

— Я верну, — ещё раз сказала женщина, опять обдав его «букетом» из вчерашнего сада. — А может, вам...

— Ничего не надо, — предугадал её отец Василий. — Смотрите, едет кто-то!

Он посадил её на заднее сиденье и подал люльку с ребёнком:

— Счастливого пути! Молодой человек, вы потом помогите ей выйти, пожалуйста.

— Само собой, — водитель бросил беглый взгляд назад.

— Офигеть, — повторила женщина.

Отец Василий смотрел вслед отъезжающей машине... Потом сошёл с обочины вниз и пошёл по своему делу, от которого эта птица отвлекла его своим птенцом, как отвлекает птица собаку от настоящего гнезда.

Сбоку от дороги шёл лес, небольшой, смешанный. Воронье царство. Сидящие на деревьях вечно недовольные вороны, как обычно, обсуждали демократию в стране. Заодно обсуди-

ли проходившего внизу отца Василия и его несутветную глупость. Отец Василий не обиделся. Нескончаемый вороний грай сегодня воспринимался как тишина и не мешал думать.

В тишине подошёл он к цели своего путешествия. Вход к могилке был закрыт коротенькой цепочкой. Отец Василий снял цепочку, снял шапку и вошёл.

Волосы, не скреплённые резинкой, сразу же вздыбило ветром. Отец Василий не стал оправлять волосы. Какой есть, такой есть. Не спеша, чтобы не позабыть чего, он обстоятельно рассказывал ей обо всём, что случилось в жизни с прошлого его прихода. Окончив рассказ, вооружился метёлочкой и чисто, аккуратно подмёл у могилы. Сор собрал и вынес к ящику для мусора, стоящему отсюда метрах в двадцати. Вернувшись, отец Василий уселся на маленькую скамеечку. Сложил руки на коленях... Не мешало бы оградку покрасить. Да и столики... Краски осталось там.

А ведь не было у него лучше слушателей, преданнее последователей, чем женщины, подумал он вдруг. Не бросили его, даже пред лицом смертельной опасности. Не предали, как Пётр. Не продали, как Иуда. Были у креста на страшной Голгофе. Первыми узнали о чудесном воскресении. Не спрашивали, не спорили, не соперничали и не искали: просто жили вокруг него, как живёт смертная природа вокруг солнца, дающего жизнь. Такова женская любовь. Самая чистая, искренняя, самая правильная, будь то любовь к своим детям или к мужчине. Женщина не того же ищет, что и он. Ей нужно, чтобы мужчина дал ей понятие о самой себе, дал форму и цель тому естественному чувству, которое составляет суть и смысл жизни.

Раньше отец Василий не думал так. А теперь ему только и оставалось, что думать. Думать о том, что не случилось и уже не случится. Никогда.

Пришло на память, как однажды, ещё в молодые годы, они заспорили: кем в действительности была Баба Яга? Да... Отец Василий рассмеялся... Как бы в оправдание он сказал:

— Вот такие они, дела-то наши. Я пойду?

Поднялся неосторожно и почувствовал острый укол в поясницу... Почему-то одновременно с этой болью вспомнилось ещё, как хо-

дили они вдвоём по грибы. Он припозднился. Подходя к опушке, увидел её там, стоящую в ожидании... И она тоже увидела его, и побежала навстречу, размахивая руками...

Отец Василий закашлялся и стал хлопать себя по загривку: вот тебе, вот, старый осёл...

Лёгкое осеннее небо стремительно обтекало кладбище и лес. Солнце едва горело под облаками, как сквозь вату. Было так тихо, как бывает в середине осени за городом.

— Ну, пошёл, — отец Василий надел шапку.

По обычаю, коснулся памятника рукой. Вышел, вернул на место цепочку. Посмотрел ещё напоследок — всё ли в порядке? Деревья над головой зашумели, к самым ногам упала обронённая рябиной ветка. Не зная зачем, отец Василий поднял ветку. Иззубренные листочки горели пятнами. Сухих больше половины... Ну, ладно.

Так, ветка в руке, он и пришёл домой. Позвал с порога:

— Кис, кис... Коша!

Никто не отозвался. Отец Василий набрал в вазу воды, поставил ветку в воду: сколько-нибудь постоит! Он отнёс вазу в комнату, на стол.

— Кошка! Иди, дедушка рыбки даст!

Тут он увидел форточку, открытую, и догадался, что его кошка ушла гулять с серым котом. И запрыгнула же, толстуха, удивился отец Василий...

Ночью он сидел на диване, сложив на коленях руки, и смотрел в темноту. Темнота, и дом, и сухая ветка рябины, капанье воды на кухне, диван, и стук часов-ходиков, и даже кошка, всё, абсолютно всё было Бог. С восторгом, с удивлением подумав это, отец Василий увидел, что и он сам тоже есть всё это: и сухие листья, и часы, и даже, как ни странно, диван.

Он в эти минуты находился как будто внутри своего чувства, и даже казалось, что оно исходит не из него, а пришло откуда-то извне, чтобы охватить и одеть отца Василия огромным и тёплым куполом. Это чувство было то, которое отец Василий всего несколько раз за свою жизнь, исполненную сомнений, болезни и суеты, неустроенного быта, мог узнать и пережить со всей полнотой, несколько раз и в разные годы. Оно было то же самое, что тогда, на прогулке с отцом, когда с замиранием и восторгом

мальчик смотрел в звёздное небо. Это чувство было благоволение и любовь. Любовь ко всему, что есть в мире. Абсолютное согласие. Сейчас, впервые за всю жизнь, отец Василий узнал, что даётся взамен отшумевших страстей и борений, когда подошла осень года и догорает, как рябина, остаток отпущенного тебе имени на земле. Знал, что это и есть то, самое главное, к чему он шёл кривотолками и буераками, блудя и теряя себя, чтобы в конце блужданий найти уже окончательно. Потому что главное в человеке — не то, что горит, главное — то, что осталось, когда всё догорело. Он нашёл то, что всегда знал, отыскал то, что всегда было, а теперь и останется здесь, уже навсегда.

Отец Василий лёг, не помолившись. Он почему-то знал, что сегодня это не нужно, знал, почему не болит спина и почему ноги оставили своё привычное надоедливое нытьё. «Томительно», — повторил отец Василий занятное слово и улыбнулся в темноте тому, кто видел, как он улыбается.

Сухая ветка на столе вполголоса шелестела, осыпая одну за другой фразы на языке, который с каждой минутой становился ему роднее и понятнее. Когда часы-ходики запнулись и замолчали на кухне, отец Василий уснул.

Добрая жёлтая луна заглянула в форточку и огорчилась, не застав подружки. Она присмотрелась к неподвижному отцу Василию, охладела к нему и одним махом, пулей

взлетела выше забора, выше деревьев и застыла в синеве, маленькая, белая.

Рябина сыпалась. Листья падали на стол, на пол, разлетались по комнате. Когда поутру вернулась домой нагулявшаяся кошка, они были уже повсюду...

Маленькая ветка — и столько листьев.

2013

Примечание автора

Лексика XIX века цитируется по изданию: Ю. Н. Кожевникова «Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в.», Петрозаводск, 2009 г.

В рассказе также использовано просторечие жителей Заонежья:

«скудоумиться» — обижаться, дуться;
«пясть» — пятерня, пригоршня;
«вскобыхнуть» — потревожить, задеть;
«кережа» — толстое и неповоротливое существо (человек, животное).

□

Андрей Иванович ТЮКОВ

родился в 1959 году.

Окончил факультет иностранных языков КГПИ. Преподавал

английский язык в школе,

а затем и в вузах Петрозаводска.

С 1993 года работает в ГТРК «Карелия»

(режиссёр, редактор интернет-вещания).

Пишет прозу и стихи на русском и английском.

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

